

месте первой публикации текста. Примечания не следовало отрывать от текста стихов, и нужно было дать разъяснения устаревших и малоопытных выражений. Встречаются в книге фактические ошибки и неточ-

ности, не всегда правильно воспроизведен текст. В целом же перед нами очень хорошее и ценное издание.

А. ЧИЧЕРИН

г. Львов

ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ *

Едва ли не каждое крупное произведение Генриха Бёлля почти сразу же после выхода в свет переводится на русский язык. К творчеству этого художника неоднократно обращались советские критики и литературоведы: Т. Мотылева, И. Фрадкин, Л. Копелев и др. Критико-биографический очерк С. Рожновского — первая изданная на русском языке монография о творчестве Бёлля. Здесь последовательно рассматриваются наиболее значительные произведения писателя. С. Рожновский верно подмечает, что переход Бёлля от малых форм «стори» к широким художественным полотнам был объективной закономерностью, вызванной главной творческой задачей писателя — показать лицо фашизма и войны.

Критически анализируя первый антивоенный роман Бёлля «Где ты был, Адам?», С. Рожновский справедливо указывает на ограниченный характер критики фашизма, данной в этом произведении.

Если в «Адаме» он с сочувствием говорит об интеллигентах, попавших в водоворот войны, то в «Бильярде в половине десятого» он беспощадно судит тех же интеллигентов за то, что они забыли заповедь «паси агнецев моих» и тем самым позволили восторжествовать силам реакции, условно

названным «причастие буйвола». Такая концепция — шаг вперед: Бёлль стремится найти причины национальной трагедии.

С. Рожновский останавливается на том, как писатель воплощает в своем творчестве лучшие эстетические традиции родной литературы. Удачно сравнение формы романа «И не сказал ни единого слова» с «векселем» миннезингеров. Представляет интерес замечание С. Рожновского о сопоставлении идеального и реального миров в романе «Дом без хозяина». В какой-то мере этот прием характерен для всего творчества писателя.

Об особенностях композиции романов Бёлля уже не раз писали советские и зарубежные литературоведы. Обращалось внимание и на то обстоятельство, что от романа к роману Бёлль все более «сжимает» временные рамки повествования. Если в романе «И не сказал ни единого слова» действие разворачивается в течение трех дней, то в «Глазами клоуна» все происходит в течение нескольких часов. Вместе с тем каждая минута «романного времени» все более наполняется воспоминаниями и ассоциациями.

С. Рожновский не проходит мимо этой особенности. Он удачно называет ее «двухступенчатой эпической дистанцией» (стр. 91). Однако в анализе этой особенности творчества

* С. В. Рожновский, Генрих Бёлль, «Высшая школа», М. 1965, 103 стр.

Бёлля сказывается недостаток, присущий книге в целом. Эстетический анализ творчества писателя дан здесь в отрыве от анализа современной западногерманской прозы и в ряде случаев вне связи с политической обстановкой на родине писателя. Историческая и литературная обстановка обрисованы только в первых главах (стр. 4—11), где речь идет о начальном периоде творчества писателя.

С. Рожновский резко отмежевывает Бёлля от Пруста и его идеи «концентрированного времени». «Это самостоятельный и независимый путь. Не может быть и речи о том, что Г. Бёлль сознательно стремится применить в своей практике прустовскую теорию романа и времени», — говорится в книге. С этим утверждением вполне можно согласиться, хотя одного лишь утверждения, разумеется, мало для книги литературоведа, а доказательств С. Рожновский не приводит. Но чем объяснить, что и «концентрированное время», и «двухступенчатая эпическая дистанция», и ряд других приемов, свойственных романам Бёлля, встречаются в произведениях таких западногерманских авторов, как Вайзенборн, Шаллюк, Гейслер, Грегор? Причем именно тогда, когда эти авторы соприкасаются с Бёллем и в тематическом плане.

Бёлль широко известен не только как романист, но и как мастер короткого сатирического рассказа. Сатирам Бёлля в книге посвящается целая глава. Критик обстоятельно из-

лагает содержание некоторых сатирических произведений. Но эстетического анализа сатиры Бёлля в книге, к сожалению, нет.

Вызывает некоторые возражения и глава «Эстетические и социальные взгляды Г. Бёлля». С. Рожновский верно отмечает, что творчество Бёлля проникнуто служением правде и совести, что писатель — сторонник активной литературы, влияющей на читателя. Исследователь не проходит мимо и противоречий Бёлля, которые обусловлены, с одной стороны, признанием религиозных догм, а с другой — его собственным жизненным опытом и общественно-политическими взглядами. Но, анализируя эти противоречия, критик почему-то опирается не на крупные художественные полотна писателя, а на самохарактеристики, данные Бёллем в многочисленных выступлениях, статьях, эссе. Но широко известно, что далеко не всегда взгляды писателя, высказанные в речах и статьях, совпадают с идеями, вытекающими из художественного творчества. В особенности если писатель — реалист (больше, чем критический, по словам Анны Зегерс) и верующий католик в одном лице.

В заключение хочется отметить, что работа С. Рожновского, являющаяся при всех своих недочетах полезной и своевременной, написана с искренней любовью к писателю.

Ю. БЛАНК

г. Владимир